

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ТРУДЫ ВОЕННОГО ИН-ТА ИНОСТР. ЯЗЫКОВ

№№ 1—5. М., 1952—1954

№ 1 — 1952. 100 стр.; № 2—1953. 130 стр.

Спустя два года после языковедческой дискуссии был возобновлен выпуск «Трудов Военного института иностранных языков» (ВИИЯ). Подавляющее большинство статей, опубликованных в первых двух выпусках «Трудов», представляет собой краткое изложение диссертационных работ, защищенных в институте в период после языковедческой дискуссии. Этот факт свидетельствует о росте молодых языковедов института. Вместе с тем нельзя не отметить недостаточную научную продукцию его старых языковедческих кадров. Статьи первых двух выпусков посвящены исследованию английского, немецкого, датского, персидского, афганского, арабского, турецкого и японского языков. К сожалению, многочисленные языки, изучаемые в институте, представлены в рецензируемых томах далеко не равномерно. Так, около $\frac{2}{3}$ общего количества статей посвящено языкам германской группы, между тем как, например, статьи по многочисленным языкам романской группы, широко изучаемым в институте, полностью отсутствуют.

Тематика опубликованных статей довольно разнообразна: словарный состав языка (с уклоном в словообразование), грамматический строй (морфология и синтаксис). Значительно меньшее место уделено фонетике, что, однако, в какой-то мере возмещается фонетической тематикой статей третьего и четвертого выпусков, разработанных силами 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков, но выпущенных совместно с ВИИЯ. Вопросы истории конкретных языков ограничены в «Трудах» историческими экскурсами в связи с изучением современных языков. Кроме того, в «Трудах» нашла отражение имевшая место в ВИИЯ дискуссия, которая поставила весьма важный вопрос о партийности перевода. Представляется, что этот вопрос в общем разрешен верно. В остальном первый и второй выпуски посвящены лишь чисто лингвистическим проблемам. Методическая работа ВИИЯ и литературоведение в «Трудах» не отражены, хотя, как это явствует из редакционной статьи, в задачи рецензируемого издания входит освещение также и этих вопросов.

*

Первый выпуск «Трудов» начинается с интересной статьи канд. филол. наук Л. С. Бархударова «Служебные слова и их функции» (стр. 6—18), посвященной проблеме происхождения служебных слов и их места в системе языка. На материале преимущественно английского языка автор показывает, как из слов с конкретным значением в результате абстрагирования значения в определенных синтаксических конструкциях возникают служебные слова. При этом совершенно правильно подчеркивается, что абстрагирование значения — только одна сторона вопроса; не менее важен учет той роли, которую это слово играет в системе языка в целом, выяснение того, в каких конкретных синтаксических конструкциях оно выступает. Можно полностью согласиться с выводом автора, что рассматриваемые в статье единицы языка являются безусловно словами и «входят в систему частей речи, притом иногда в одну и ту же часть речи вместе со знаменательными словами» (стр. 14). В некотором противоречии с этим выводом, однако, находится утверждение, сделанное на стр. 11, согласно которому служебные слова, даже неполностью утратившие прежнее вещественное значение, «принадлежат, в первую очередь, сфере грамматики». Если служебные слова — безусловно слова, то они в первую очередь принадлежат словарному составу. В связи с этим и другими аналогичными утверждениями остается до конца неясным, в каком взаимоотношении находятся служебные слова и одинаково звучащие полнозначные слова (например: *grow* «становиться» и *grow* «расти»; *have* вспомогательный глагол и

have «иметь» и др.): нужно ли их считать словами-омонимами или темп же самыми словами? Отнесение служебных слов к сфере грамматики заставляет думать, что автор склоняется к первому решению вопроса, однако это противоречит фактам английского языка.

Нельзя согласиться с автором статьи также и в том, что в составных (аналитических) формах грамматического значение целиком сосредоточено во вспомогательных глаголах. Так, на стр. 12 читаем: «в русских сочетаниях *я буду ходить, ты будешь ходить* и т. д. вспомогательный глагол *буду, будешь* передает грамматическое понятие будущего времени, относящееся к знаменательному слову *ходить...*». Думается, что будущее время передается здесь не вспомогательным глаголом, а сочетанием вспомогательного глагола с определенной формой знаменательного глагола. Это особенно ярко видно из сопоставления английских составных форм длительного вида и страдательного залога, где в отношении вспомогательных глаголов отсутствует какая бы то ни было разница, между тем как значение этих форм совершенно различно (ср. англ. *is taking* и *is taken*).

В целом статья написана хорошо и содержит много тонких и интересных наблюдений. Из неудачных формулировок автора следует отметить следующую, допущенную на стр. 14, согласно которой «одни и те же значения могут передаваться в одном случае полновзначными словами, в другом — служебными словами, в третьем — аффиксами, в четвертом — интонацией», причем «то, что в одном языке входит в сферу грамматики, в другом передается лексическими средствами». Бесспорно, что все указанные средства могут выражать одно и то же понятие, одну и ту же мысль об объективной действительности, но значение каждого средства в конкретном языке, а тем более в различных языках будет неодинаково. Следует отметить, что аналогичные формулировки имеются и в других статьях «Трудов» (ср., например, статью Н. В. Гейн, стр. 20).

Статья канд. филол. наук Н. В. Гейн «О категории вида в русском и немецком языках» (стр. 19—37) посвящена одному из очень трудных и запутанных вопросов немецкой филологии. На основании анализа большого фактического материала автор приходит к правильному выводу об отсутствии грамматической категории вида в немецком языке. Однако следует отметить, что само название статьи в связи с этим представляется неудачным, так как говорится о категории немецкого языка, в действительности в нем не существующей. Не вполне удачным представляется также и ход доказательства. Обращаясь к русскому языку, автор уточняет значения совершенного и несовершенного видов в русском, а затем указывает на отсутствие аналогичных значений в немецком. Однако отсутствие совершенного и несовершенного видов в конкретном языке еще не является доказательством того, что в этом языке вообще отсутствует категория вида. Категория вида может существовать на основе противопоставления иных категориальных форм, чем категориальные формы совершенного и несовершенного видов; ср. английскую категорию вида, выделяющуюся на основании противопоставления категориальных форм общего и длительного видов. Подобным же образом отсутствие шести русских падежей в немецком или английском языках еще не говорит об отсутствии в них категории падежа. В статье необходимо было показать, что в немецком языке отсутствуют какие бы то ни было значения видов в противопоставляющихся формах глагола.

При анализе русского материала автор допускает ряд неточностей: ср., например, отнесение *скажи* наряду со *сделал* к формам прошедшего времени. До конца остается неясным, считает ли автор словоформы совершенного и несовершенного видов формами одного и того же слова. Упомянутые словоформы именуются то вариантами, то видовыми дублетами. Неточности терминологического характера допущены и в отношении немецкого языка. Так, термин «неотделяемые приставки» предполагает неверное рассмотрение образований типа *aufstehen* в качестве слова с отделяемой приставкой, в отличие от которого слово типа *bestehen* называется глаголом с неотделяемой приставкой. Очень неудачным представляется и термин «континуирующий» (стр. 22) в применении к английскому длительному виду. Большое внимание в статье уделяется проблеме внутренних законов, однако не вполне ясна точка зрения автора, согласно которой «вновь развившиеся явления могут представлять собой проявление внутренних законов...» (стр. 37; разрядка моя.— В. П.): развивающиеся явления в языке и есть проявление внутренних законов.

В статье Д. А. Штелинга «Предлоги английского языка в синтаксических группах с причастием II» (стр. 38—49) разбирается вопрос употребления английских предлогов *by* и *with* после причастия II. В результате тщательного и тонкого анализа автор приходит к выводу, что употребление предлогов в исследуемых им случаях обусловлено общим значением синтаксической группы в целом. Так, в статических описаниях (местности, предметов, человека, человеческого лица и т. д.) без выделения в них каких-либо отдельных предметов, черт требуется предлог *with*, в то время как предлог *by* используется в тех же статических описаниях, но уже с выделением того, что представляется говорящему более значительным. Немалый интерес представляет также

наблюдение автора, что употребление предлога *with* вместо предлога *by* характерно для причастий, глагольное значение в которых ослаблено. Тем большее недоумение вызывает в этой в целом интересной статье рассмотрение приставочных и бесприставочных глаголов (*mounted — surmounted, coloured — discoloured* и др.) как форм одного и того же слова. Непонятно, что Д. А. Штелинг понимает под «единым лексическим понятием» и как возможно выделять сложное слово лишь на основе семантики (стр. 44).

Статья доц. Л. С. Пейсикова «К характеристике основного словарного фонда персидского языка» (стр. 50—59) ставит целью применить учение об основном словарном фонде и словарном составе языка к мало изученному персидскому языку. В первом разделе статьи рассматривается вопрос о скрещивании персидского языка с арабским. Отмечая, что в результате скрещивания в персидский язык проникло большое количество арабских слов, которые составляют около 70% общего количества слов персидского языка, автор пытается доказать, что основной словарный фонд персидского языка сохранился в главных своих чертах. Однако это совершенно правильное положение в указанном разделе лишь декларируется, всесторонний и глубокий анализ материала отсутствует. В большинстве случаев автор ограничивается лишь общими утверждениями вроде того, что «арабские слова не сразу и не все вошли в основной словарный фонд персидского языка» (стр. 53), иллюстрируя это случайными примерами. В этом отношении второй раздел статьи до некоторой степени дополняет первый. В этом разделе ставится задача показать устойчивость слов основного словарного фонда персидского языка на основе анализа истории слов, соответствующих русским словам *вода, земля, гора, лес, рыба, человек, ходить, делать, производить, торговать*, которые, как известно, были названы И. В. Сталиным в качестве примеров общеупотребительных слов основного словарного фонда русского языка. Л. С. Пейсиков устанавливает, что из десяти рассматриваемых слов пять являются исконными, одно представляет собой более позднее новообразование, а четыре — заимствования. Однако дальше подобной констатации автор не идет. Раздел третий посвящен рассмотрению путей пополнения словарного состава персидского языка. Эта часть работы изложена не вполне четко. Автор считает, что, несмотря на преобладание иноязычного элемента в словарном составе персидского языка, заимствование иноязычной лексики все же можно отнести к второстепенному источнику пополнения персидского языка при условии четкого разграничения «накопления иноязычных слов» и «заимствования иноязычных слов в каждую данную эпоху» — разграничения, к сожалению, не обоснованного.

Следующая статья первого тома канд. филол. наук Н. А. Дворянкова — «Производные отыменные глаголы в современном афганском языке (папшо)» (стр. 60—71). Хотя я не берусь судить о качестве обширного фактического материала, приведенного в этой работе, я хочу высказать ряд замечаний по общим вопросам. В статье содержится требование четкого разграничения между словосочетанием, с одной стороны, и сложным, слитным и простым глаголом, с другой (стр. 61). Неизвестно, к какой общетеоретической концепции по данному вопросу присоединяется автор (в статье имеются всего две ссылки на работы по персидской филологии и совсем нет ссылок на последние работы советских языковедов, занимавшихся вопросом дифференциации словосочетания и сложного слова). Вследствие этого методика исследования вызывает целый ряд серьезных возражений. Прежде всего следует отметить, что в статье отсутствуют общие критерии разграничения словосочетания и сложного слова, в связи с чем не всегда бывает ясно, как автор пришел к тем или иным выводам. Во-вторых, вызывает сомнение, насколько правомерно отнесение целого ряда образований, разбираемых в работе, к сложным словам. Так, на стр. 66 подчеркивается, что сложные глаголы «составляют не только единый член предложения, но и единую часть речи», т. е. о д н о слово. Между тем в составе этого сложного глагола усматриваются вспомогательный глагол и основное слово, т. е. д в а слова. При этом вспомогательный глагол может менять свое место по отношению к основному слову, а основная часть согласовываться с другими членами предложения. Правда, в отношении сложных глаголов автор допускает, что порой его «составные части воспринимаются как отдельные слова со своими фонетическими и морфологическими признаками» (стр. 68—69), но встает вопрос, как вообще возможно говорить об одном слове и усматривать в его составе д в а с л о в а? Совсем неясно, что имеет в виду автор, когда говорит о «смысловом оформлении» слова (стр. 60) и о «словах-понятиях» (стр. 61).

Статья А. А. Ковалева «К вопросу о временных формах арабского глагола» (стр. 72—85) разбирает одну из наиболее сложных и важных проблем арабской грамматики — вопрос о глагольных формах выражения времени в современном арабском литературном языке. Повидимому, справедливо критикуя концепцию Д. В. Семенова, согласно которой выделяемые в арабском языке две категориальные формы могут выражать любое из трех так называемых «объективных» времен: настоящее, будущее и прошедшее, автор приходит к выводу, что в современном арабском языке имеется весьма развитая система глагольных форм, специально предназначенных для выражения локализации действия во времени. Менее убедительно разработан на стра-

вопрос соотношения категории времени и категории наклонения. Выделяя обе упомянутые категории как самостоятельные категории арабского глагола (стр. 77), А. А. Ковалев тем не менее усматривает случаи, когда «форма прошедшего времени утрачивает свое временное значение прошедшего времени и служит... для выражения условной модальности» (стр. 82), т. е. случаи, когда категориальная форма времени перестает противопоставляться другим временным категориальным формам, становясь категориальной формой наклонения. Представляется несомненным, что один и тот же ряд форм не может являться одновременно категориальной формой двух категорий. Одно из двух: или рассматриваемая категориальная форма во всех случаях сохраняет свое временное значение, или речь должна идти не о той же самой, а о другой (омонимичной) категориальной форме [ср. англ. *(he) worked* «работал» и *(he) worked* «работал бы»].

Второй выпуск «Трудов» открывается статьей канд. филол. наук Г. В. Колшанского о «Суждении и предложении» (стр. 3—16). Исходя из тезиса о единстве языка и мышления, автор пытается доказать, что «всякое предложение передает суждение и всякое суждение отливаётся в форму предложения» (стр. 15). Отмечая начитанность автора и ряд интересных наблюдений над языковым материалом, нельзя не заметить, что при подобной широкой постановке вопроса, когда рассматривается совокупность всех типов предложений в любом языке, многое оказывается недостаточно убедительным и в большой мере спорным. Так, на стр. 15 автор усматривает в предложениях типа *Пожар!* выражение логического субъекта в форме именительного падежа слова *пожар*, мотивируя это тем, что в данном случае невозможно сказать *Пожару!*, т. е. употребить словоформу дательного падежа. Действительно, в данном предложении словоформа дательного падежа невозможна, но в других предложениях подобного типа возможно использование любой падежной формы слова, не только формы именительного падежа (*Огня! Лампы!* и т. д.). Какими языковыми средствами выражается здесь логический субъект? Выражается ли здесь логический субъект вообще? Ведь слово как таковое и фразовая интонация, согласно концепции автора, надают на долю выражения логического предиката. Вопросы эти так и остаются неясными. Всяма субъективную трактовку получают в статье и безличные предложения типа *Светает, Вечерет, Морозит*. По мнению Г. В. Колшанского, «логическая предикативность выражается в этих предложениях «глагольной формой слова и определенной интонацией этого слова, а логический субъект выражается во флексии, синкретически передающей значение местоимения» (стр. 15). В предложениях же типа *Меня знобит* автор усматривает выражение логического субъекта уже не во флексии глагола, а в «косвенном падеже имени» (там же). В целом статья не производит впечатления научного исследования. Скорее можно говорить о предвзятой схеме, в которую Г. В. Колшанский любыми средствами пытается втиснуть языковые факты.

Едва ли также можно согласиться с автором в том, что предложение является «единицей языка» (стр. 9). Предложение представляет собой не единицу языка, а совокупность языковых единиц, конкретное речевое произведение, и как таковое оно является единицей речи, а не языка, хотя каждое языковое средство, употребленное в предложении (слова в конкретных формах, их расположение, определенный структурный образец, интонация и т. д.), несомненно, входит в язык на правах языковой единицы.

Вопросам пополнения словарного состава языка посвящена статья канд. филол. наук О. Н. Кукулиной «Отражение в словарном составе современного немецкого языка демократических преобразований в Восточной Германии (по материалам немецкой демократической печати)» (стр. 17—34). На большом фактическом материале (этим разбираемая статья выгодно отличается от предыдущей) автор показывает, что обогащение словарного состава немецкого языка «происходит на основе взаимодействия устойчивого и изменчивого в языке, главным образом за счет его внутренних ресурсов, прежде всего на базе слов основного словарного фонда» (стр. 33—34). При этом основную массу новых слов составляют сложные слова, различные типы которых и рассматриваются в статье. Следует отметить, однако, что проблема сложного слова, повидимому, не вполне уяснена автором. Об этом свидетельствует сделанное на стр. 28 и повторенное на стр. 31 утверждение, что в качестве первого компонента сложных слов могут выступать не только основы слов, но и части речи, т. е. самостоятельно оформленные слова. С другой стороны, никак нельзя согласиться с тем, что сложное слово в отличие от словосочетания будто бы характеризуется большей семантической нечленностью (стр. 30 и 31). Сложное слово отличается от словосочетания своей цельноформенностью, что же касается большей или меньшей семантической нечленности, то она может быть в равной мере присуща обоим видам языковых образований. Кроме того, остается непонятным брошенное на стр. 28, но не подтвержденное фактическим материалом замечание об образовавшихся с 1945 по 1949 г. в немецком языке тридцати прилагательных и п р и ч а с т и я х. Имеется ли в виду, что за указанный период было образовано некоторое количество недостаточных глаголов, представлен-

ных лишь одной формой причастия, или идет здесь речь о выпавшем из системы глагола и превратившемся в прилагательное причастии, т. е. уже не о причастии, а о прилагательном?

Статья канд. филол. наук А. С. Новаковича «О способах образования сложных слов в современном датском языке» (стр. 35—45) представляет большой научный интерес. Написанная на высоком теоретическом уровне и аргументированная большим фактическим материалом, указанная статья дает краткое описание системы образования сложных слов в современном датском языке. Можно полностью согласиться с автором статьи в том, что традиционная точка зрения, согласно которой широкое распространение сложных слов в германских языках связано со слабым развитием относительных прилагательных, является несостоятельной. Указывая на то, что «категория относительных прилагательных в современном датском языке обладает потенциальными возможностями своего дальнейшего развития», А. С. Новакович правильно замечает, что если «сравнительно слабое развитие относительных прилагательных... и широкое распространение сложных слов — взаимообусловленные явления», то «первое было бы правильнее считать не причиной, а следствием второго» (стр. 36).

Всего в современном датском языке автор намечает четыре основных способа образования сложных слов: 1) морфологический, 2) синтаксико-лексический, 3) синтаксико-морфологический и 4) способ образования сложных слов путем аффиксации и деаффиксации, а также путем конверсии. Наиболее полно в статье освещен лишь первый способ образования сложных слов, и, наоборот, последним трем способам уделено сравнительно мало места. В связи с этим целый ряд важных проблем, в частности соотношение морфологического и синтаксико-лексического способов образования сложных слов, остается в статье не до конца выясненным. Недостаточное внимание уделено в статье и конверсии; по сути дела этот способ вообще не разбирается, а лишь иллюстрируется несколькими примерами.

Более частной проблеме словообразования — образованию слов в результате сплетения и одновременного действия двух способов словообразования — сложения и производства — посвящена статья канд. филол. наук С. С. Хидекель «О сложнопроизводных словах в современном английском языке» (стр. 46—64). В статье рассмотрен подробно один из типов сложнопроизводных слов — слова типа *blue-eyed*. Методика исследования и основные положения автора, подкрепленные большим фактическим материалом, представляются правильными. Совершенно недостаточно разобраны в работе случаи, когда в образованиях типа *darker-haired*, *lighter-skinned* оформление по сравнительной степени получает первый компонент, так что «образуется как бы двойное оформление, указывающее... на то, что в основе таких слов лежат свободные сочетания самостоятельных слов» (стр. 60). Что дает возможность выделять подобные образования как сложнопроизводные слова, несмотря на отсутствие цельюоформленности? Если автор считает, что цельюоформленность имеется и в подобного рода случаях, необходимо точно оговорить, в чем она проявляется. По существу С. С. Хидекель от этой проблемы просто отмахивается, сообщая, что «образования такого рода редки, и, как правило, степени сравнения сложнопроизводных прилагательных образуются аналитически» (стр. 57). Остается далее непонятным, почему основы *-eye* в *blue-eyed* «с голубыми глазами» и *eye* в глаголе *to eye* «рассматривать, окидывать взглядом» рассматриваются автором статьи как омонимы (стр. 56). Представляется несомненным, что основа в обоих случаях одна и та же, об омонимии же могла бы идти речь разве в том случае, если бы от сложного слова *blue-eyed* путем обратного образования (*back-formation*) был бы образован глагол *to eye*, который уже в качестве слова, а не основы был бы омонимичным упомянутому выше глаголу.

Канд. филол. наук В. Г. Чуваева в статье «Синтаксические функции причастных оборотов в современном немецком языке» (стр. 65—77) ставит перед собой задачу описания синтаксической функции причастных оборотов в современном немецком языке и установления некоторых правил употребления определенных типов причастий в различных видах оборотов. На основе анализа большого фактического материала В. Г. Чуваева приходит к выводу, что главной функцией причастных оборотов является функция так называемого «предикативного атрибута», который определяется «как полупредикативный (предикативно-атрибутивный) признак подлежащего или прямого дополнения, одновременно связанный со сказуемым предложением» (стр. 66). В зависимости от содержания связи со сказуемым автор различает следующие виды предикативно-атрибутивных причастных оборотов: обороты со значением характеристики образа действия и примыкающие к ним сравнительные обороты; обороты со значением сопровождающего обстоятельства; обороты с временным значением; обороты с причинным значением; обороты с условным значением; обороты с уступительным значением.

В этой работе использован большой фактический материал, так что дается в общем весьма полное описание исследуемых оборотов. Следует заметить, однако, что в статье слишком большое внимание уделяется семантике, в то время как структурные моменты учитываются недостаточно. Иллюстрируя конкретную функцию причастного оборота примерами, автор часто полагается на языковое чутье, не выделяя того,

что наталкивает на данное осмысление причастного оборота, какие структурные признаки предложения обуславливают определенное его восприятие.

В статье канд. филол. наук И. В. Головина «Глагольные временные формы изъявительного наклонения в современном японском языке» (стр. 78—97) ставится задача, как ее формулирует автор, описать значения и «употребления» глагольных временных форм лишь изъявительного наклонения, могущих выступать в заключительном сказуемом самостоятельного предложения (стр. 80—81). Автор приходит к заключению, что «в современном японском литературном языке имеются две основные временные формы изъявительного наклонения, в которых глагол может выступать в заключительном сказуемом самостоятельного предложения: форма на *y/ru*, обладающая прямым грамматическим временным значением настоящего-будущего, и форма на *ta/da*, обладающая прямым грамматическим временным значением прошедшего» (стр. 96). Следует здесь же отметить, что едва ли является правильным установление значения категориальных временных форм на основе исследования не всей совокупности форм, составляющих указанные категориальные формы, а лишь некоторой их части (форм изъявительного наклонения). В связи с этим остается неясным, в какой степени значение исследуемых в работе форм следует отнести за счет категории времени и в какой степени за счет категории наклонения.

Не представляется также понятным, как форма настоящего-будущего времени на *y/ru* может представлять собой основу глагола (стр. 87) и несколько правомерным является выделение у японских глаголов двух корней — корни настоящего-будущего времени (стр. 87) и корни прошедшего времени (стр. 91).

Статья Л. Старостова «Об ударении в турецком языке» (стр. 98—119) делает попытку вскрыть некоторые особенности турецкого ударения в сравнении с ударением в других языках, главным образом в русском. Л. Старостов устанавливает, что турецкое словесное ударение не входит в состав постоянной фонетической характеристики слова, поскольку оно определяется местом данного слова в предложении, что смыслообразительная роль турецкого ударения определяется синтаксической структурой предложения, условиями фразовой фонетики, причем под влиянием фразового ударения знаменательные турецкие слова могут полностью утрачивать свое ударение и выступать в роли энклитик и проклитик.

*

Характеризуя рецензируемые тома «Трудов» в целом, представляется необходимым отметить, что значительная часть статей, написанных молодыми языковедами ВИИЯ, находится на уровне современной науки и представляет определенный научный интерес. Особенно интересными являются статьи Л. С. Бархударова и А. С. Новаковича. Однако между отдельными статьями «Трудов» отсутствует достаточная взаимоувязка. Так, например, проблема сложного слова, так или иначе ставившаяся в $\frac{1}{3}$ статей сборника, часто имеет в основе различие в методике исследования, а иногда (статья Н. А. Дворяникова) и в самих критериях ограничения сложного слова от словосочетания. Этот факт, повидимому, свидетельствует о недостаточно широком обсуждении указанной проблемы и соответствующих исследований среди лингвистов института. Кроме того, желательно увидеть на страницах «Трудов» исследования, посвященные большому количеству языков, которые полнее отразили бы специфику Военного института иностранных языков.

В. В. Пассек

*

№ 3—4. Вопросы интонации. Под ред. В. А. Артемова. — 1953. 271 стр.

Выпуск 3—4 «Трудов» заслуживает особого внимания как первый сборник статей, целиком посвященный вопросам интонации¹.

Сборник содержит семь статей. В пяти из них дается описание экспериментального изучения интонации в различных языках: «Интонационное членение простого повествовательного предложения в современном английском языке» (А. И. Калачев), «Интонационная организация повествовательной фразы во французском языке» (Т. Б. Гаяцкая), «Интонация простого повествовательного предложения в немец-

¹ Как отмечено редколлегией, исследования проводились авторами сборника в лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи 1-го Московского государственного пединститута иностранных языков (руководитель лаборатории проф. В. А. Артемов). К тому же большая часть авторов — сотрудники или бывшие аспиранты 1 МГПИИЯ и лишь трое из семи — сотрудники ВИИЯ.

ком языке» (К. Б. Карпов), «Интонация вопросительного предложения в немецком языке» (В. С. Любопытнова), «Интонация ответа в русском языке» (В. С. Федосеева). Все пять статей написаны по материалам защищенных диссертаций. Каждая из них состоит из вводной части, в которой излагаются проблема интонации методика эксперимента, и основной части, где даны результаты проведенных автором исследований. Введением к ним служит статья проф. В. А. Артемова «Об интонации» и отчасти статья доц. О. А. Норк «О фразовой интонации в немецком языке».

Статья В. А. Артемова «Об интонации» имеет три раздела: в первом разделе определяется понятие интонации; во втором говорится о том, как следует изучать интонацию; в последнем автор чрезвычайно кратко останавливается на вопросе обучения интонации, ограничиваясь лишь общими, мало конкретными пожеланиями.

Статья О. А. Норк «О фразовой интонации в немецком языке» освещает главным образом один из важнейших компонентов интонации — фразовое ударение и результаты последних исследований интонации в немецком языке.

Поскольку это первый в советской лингвистической литературе сборник, посвященный целиком экспериментальному исследованию интонации, перед читателем возникают следующие вопросы: 1) что такое интонация? 2) как интонация может быть изучена экспериментально? 3) какие результаты дало экспериментальное изучение интонации?

Рассмотрим, как сборник отвечает на эти вопросы.

I

Что такое интонация?

До сих пор в советской лингвистической литературе нет единого определения понятия интонации, нет его и в статьях сборника.

1. О. А. Норк права, утверждая, что интонация — такой же неотъемлемый элемент звуковой речи, как и сами звуки — фонемы (стр. 36), и далее: «Интонация каждого данного языка складывается в результате хода развития языка в целом и имеет свои особенности, отличающие ее от интонации других языков» (стр. 37).

Однако на вопрос, к какому разделу языкознания следует отнести интонацию, авторы сборника дают разные ответы.

О. А. Норк относит интонацию «в область фонетики» (стр. 38), А. И. Калачев, напротив, считает интонацию частью грамматики (стр. 97), К. Б. Карпов предлагает раздел фонетики, изучающий интонацию, назвать «фонетикой синтаксической» (стр. 131).

2. Из высказываний авторов (О. А. Норк, стр. 36; К. Б. Карпов, стр. 132—133; В. С. Любопытнова, стр. 189—190; Т. Б. Ганцкая, стр. 109—112) следует, что интонация — совокупность звуковых средств, организующих устную речь. Одни авторы включают в число этих средств только ударение, мелодику, темп, длительность слогов и паузы (Т. Б. Ганцкая), другие добавляют к ним тембр (К. Б. Карпов), третьи — диапазон общего мелодического уровня фразы и «степень связности и раздельности слогов в сочетании с распределением ударения» (В. С. Любопытнова).

В. А. Артемов, считая определение интонации как своеобразного единства «изменяющихся во времени и расчленяющихся во времени движений высоты тона, громкости и тембра» односторонним и тем самым неверным, предлагает рассматривать ее как языковое явление, «посредством которого, на основе лексического состава и грамматического строя речи, осуществляется уточнение мыслей и выражение эмоционально-волевых отношений в процессе общения» (стр. 4). В заключение своих общетеоретических рассуждений В. А. Артемов вместо определения интонации приводит перечень «обобщений» (стр. 7—8), которые, на наш взгляд, не «обобщают», а лишь затемняют вопрос.

3. Почти все авторы дают в статьях определение тех или иных компонентов интонации. Наиболее последовательно это сделано у Т. Б. Ганцкой: «Ударение — это деление слога в слове или слова в интонационной единице» (стр. 109); «Мелодикой называется движение высоты основного тона» (стр. 111); «Под темпом разумею скорость произнесения отрезка речи в единицу времени, измеряемую средней длительностью слога» (стр. 112); «Пауза — это момент фактического или восприимчивого молчания» (стр. 113).

4. Функцию интонации авторы статей определяют следующим образом: В. А. Артемов считает, что интонации «принадлежит функция уточнения тех синтаксических отношений, которые устанавливаются в предложении между его лексическими единицами и вытекают из задач и условий общения» (стр. 6); О. А. Норк кратко констатирует, что «интонация выполняет в языке синтаксические функции» (стр. 36); А. И. Калачев отмечает только, что «интонация располагает рядом средств, применяемых для членения предложения» (стр. 54); Т. Б. Ганцкая пишет, что «интонация выступает в языке как основной способ выражения коммуникативного типа фразы..., ее эмоцио-

нально-волевой окраски и является главнейшим средством членения речи на смысловые единицы различных ступеней — на фразы и синтагмы» (стр. 111); К. Б. Карпов видит в ней «функцию оформления синтагматического членения фразы» (стр. 133); В. С. Любопытнова отмечает двойную функцию интонации: интонация, с одной стороны, «определяет коммуникативный тип фразы...»; сюда же присоединяется эмоционально-волевая окраска фразы. С другой стороны, интонация связывает и членит фразу на смысловые группы» (стр. 189—190).

5. Поскольку физическая основа интонации проявляется также и в звуках (ср. высокие и тембральные изменения), то необходимо разграничить и их функции. Это очень четко делает О. А. Норк, отграничивая звуковые явления в слове от звуковых явлений в предложении. Этим подчеркивается, что интонация, «являясь элементом связной речи, элементом предложения, обладает способностью непосредственно передавать синтаксические значения, выражающие не только логику мысли, но и эмоционально-волевые отношения» (стр. 36).

К. Б. Карпов, развивая то же положение, предлагает: «В отличие от интонации как одного из грамматических средств оформления предложения (фразы), звуковые явления, протекающие на материале отдельной неинтонационной единицы языка (слово, слог, звук)... назвать акцентно-мелодикой» (стр. 132).

6. Определение физиологической стороны ударения мы находим у Т. Б. Гандкой: «Артикуляционно-динамическое ударение выражается в усилении напряженности произнесения, в замедленности артикуляции и большей ее полноте и тщательности» (стр. 110).

Отмечая, что функции фразового ударения, смысловая и организующая, «в известном плане... сходны с функциями ударения в слове», О. А. Норк весьма четко разграничивает ударение как элемент слова и как элемент фразы: «...между функциями фразового ударения и ударения словного различий больше, нежели сходств, и обусловлены эти различия различием функций тех языковых единиц, в которых они выступают: слова как строительного материала языка и предложения как основной единицы общения» (стр. 39).

О функции ударения в предложении пишет А. И. Калачев (стр. 63). Он отмечает две функции ударения в предложении: 1) организация слов в пределах одной синтагмы (подчинение слов, составляющих синтагму, одному наиболее сильноударному слову) и 2) организация синтагм внутри предложения.

Нам представляется, что последнюю функцию выполняет не ударение, а мелодия. Именно мелодия, характерная для данного типа предложения, объединяет составляющие его синтагмы в одно целое.

Все вышеприведенные высказывания вносят ясность в понимание интонации и имеют большое практическое значение.

7. Многие авторы сборника ищут соотношения между ударением и логическим предикатом. Необходимость этого кажется нам очень спорной. Можно, пожалуй, согласиться с К. Б. Карповым (стр. 132), что интонация оформляет предикативные отношения, но остается сомнительным положение о том, что для выделения логического предиката служит особое логическое ударение. Во-первых, логический предикат далеко не всегда уместается в одно слово, а во-вторых, предикативность оформляется, по видимому, всеми интонационными средствами.

Не поиски ли интонационного выражения логического предиката, выраженного словосочетанием, привели К. Б. Карпова к многовершинным и сложным синтагмам? Интонационная характеристика их осталась нам неясной; неоправданным кажется нам и введение особого «логического» ударения для логического предиката.

8. В лингвистической литературе встречаются самые различные классификации видов фразового ударения. По наиболее распространенным классификациям, суммированным в статье О. А. Норк, различаются ударения грамматическое, логическое, эмфатическое и ритмическое (стр. 40—41). Под ритмическим ударением понимается характерное для многих языков, в частности для немецкого языка, появление или усиление ударения на безударных или слабоударных элементах слова или фразы в целях достижения закономерного чередования ударных и безударных слогов. Под грамматическим понимается тот вид ударения, «когда синтаксическая значимость членов предложения выражена соответствием порядка слов и распределением акцентного веса» (стр. 41). Логическим ударением выделяются слова, имеющие «наибольшую смысловую значимость во фразе, независимо от их места и синтаксической функции» (стр. 42).

Мы считаем неудачным закрепление термина «логическое ударение» за одним из видов фразового ударения в противоположность грамматическому и ритмическому, так как любое ударение, а не только логическое, выделяет слова, «имеющие наибольшую смысловую значимость во фразе». Именно поэтому всякое ударение в фразе — смысловое; за ним и следовало бы закрепить общее название «логическое». Вот почему закрепление этого термина, как это делает К. Б. Карпов, за ударением, якобы выделяющим логический предикат, кажется нам также необоснованным.

Следовало бы различать не логическое и грамматическое ударение, а два вида

логического ударения¹: одно зависит от синтаксического строя предложения — мы предлагаем назвать его *типовым* (в других классификациях — грамматическое), другое от синтаксического строя предложения не зависит — в нашем определении *нотиповое* (в других классификациях — логическое). Нетиповое ударение всегда связано с наличием противопоставления в фразе или в контексте. Такого же взгляда придерживается, повидимому, и В. С. Любопытнова. Она пишет: «Выделение ударением какого-либо из членов предложения обусловлено во всех приведенных примерах противопоставлением повятя, выраженного данным словом, какому-либо другому повятю. Это противопоставление вытекает из развития мысли в определенной ситуации общения. Этот тип ударения мы называем „противопоставительным“ или „ситуационным“» (стр. 229).

О. А. Норк, в основном верно критикуя Есперсена, считает ограничением «многогранной действительности» тот факт, что Есперсен объясняет выделение ударением того или иного элемента фразы наличием противопоставления повятя, выраженном этим элементом, другому повятю. По нашему мнению, такое ограничение неизбежно, поскольку без него многогранность действительности вообще не поддавалась бы изучению. Здесь речь идет о типизации, которая охватывает огромное количество подтипов.

В. С. Любопытнова называет обычное для русского эмоционально неокрашенного предложения с вопросительным местоимением ударение на глагольном сказуемом (или значимой части составного сказуемого) *грамматическим* или *традиционным* (стр. 229). Термины «грамматическое» и «традиционное» ударение, на наш взгляд, смешивать не следует. О грамматическом ударении (в нашей терминологии — *типовом*) было сказано выше. Что же касается традиционного ударения, то оно относится не к видам фразового ударения, а к ударению в слове и словосочетании.

Слово, сохраняя свойственное ему традиционное словное ударение, может восприниматься во фразе, где ударение образует систему, как совсем безударное, поскольку словное ударение как бы растворяется во фразовом. Этого нельзя, однако, сказать о традиционном ударении словосочетаний — оно преобладает над фразовым: если понятие, на которое падает фразовое ударение, выражено словосочетанием, то фразовое ударение подчинится традиционному ударению словосочетания. Точно так же спорным кажется нам и понятие особого «эмфатического» ударения, если не сводить вопрос только к усилению громкости. Думается, что для выражения эмфазы используются также все средства интонации, но, возможно, в особых, характерных для эмфазы соотношениях.

Из сказанного видно, что авторы всех статей занимаются более или менее последовательно определением интонации и ее компонентов, а также и функцией интонации в целом и каждого компонента в отдельности. Поскольку в лаборатории не мог не выработаться единый взгляд на эти вопросы, его и следовало бы изложить в вводной статье. Тем самым сборник оказался бы свободным от ненужных повторений; кроме того, это и в дальнейшем избавило бы исследователей от необходимости включать в свои работы данную проблему.

Остановимся, кстати, на одном высказывании В. А. Артемова, которое, как нам кажется, может привести к недоразумению. В. А. Артемов пишет о методе, найденном И. П. Павловым для изучения деятельности коры больших полушарий — способе образования условных рефлексов: «Так, животному свойственно, по законам его нервной деятельности, выделять слюну при виде пищи, вводимой в полость рта. Павлов использовал это слюноотделение как показатель деятельности коры в тех условиях, когда еще до подачи пищи животному дается какой-либо сигнал, который для животного становится сигналом появления пищи. Такую связь между пищей и условным ее подачи мог образовать только мозг животного. Внешним, доступным непосредственному наблюдению и измерению, показателем этого процесса в деятельности мозга служит также слюноотделение, но теперь не как безусловная, а как условная реакция организма».

Тем самым И. П. Павлов нашел метод опосредствованного наблюдения за деятельностью коры больших полушарий мозга по процессу и продукту этой деятельности.

Процессом речевой деятельности человека служит артикуляция, а продуктом артикуляции — звуковой эффект, в частности интонация. Следовательно (разрядка наша. — *Авторы*), физиологическое изучение интонации, в развитие павловского метода, должно состоять в наблюдении за артикуляцией и в соответствующем физиологическом анализе звукового эффекта интонации» (стр. 12).

Мы нисколько не отрицаем возможности физиологического изучения интонации по методу И. П. Павлова. Однако, если Павлов опосредствованно наблюдал за процессом деятельности коры больших полушарий у животных по продукту этой деятельности — слюноотделению, то следует ли из этого, что тот же метод безоговорочно при-

¹ См. статью рецензентов «К вопросу об интонации немецкой фразы» («Ив. яз. в шк.», 1953, № 6).

годен и для изучения интонации, которая, как известно, не относится к физиологическим отправлениям организма.

Нам представляется неправильным замалчивание здесь того, что речь, во-первых, является продуктом сложнейшей нервно-психической деятельности человека как члена коллектива, средством общения людей друг с другом и, во-вторых, относится ко второй сигнальной системе, которой нет у животных. Поэтому, думается нам, вне момента общения, взаимопонимания, взаимодействия, т. е. без учета общественных отношений людей друг с другом, интонацию как звуковую сторону речи никак изучать нельзя.

II

Способы экспериментального изучения интонации

1. Для экспериментального изучения интонации имеется технически совершенная аппаратура, описанная В. А. Артемовым (стр. 14—17). Звучащая речь, как мы узнаем из этого описания, записывается на магнитофон и на электроакустический кимограф.

Магнитофон позволяет прослушать записанную речь любое количество раз. Тем самым магнитофонная запись служит: 1) для контролирования правильности речи (поскольку запись на электроакустический кимограф может проходить либо одновременно с записью на магнитофон, либо производиться с уже имеющейся магнитофонной записи) и 2) для слухового анализа речи.

Запись на электроакустический кимограф дает так называемую кимограмму, состоящую из трех дорожек, линий или кривых. Описание этих кривых и их изображение дается в статьях В. А. Артемова и Т. Б. Ганцкой, а частично и у других.

Нижняя кривая позволяет определить длительность предложения и его частей с точностью до 0,001 сек. Средняя кривая — звуковая, верхняя — кривая интенсивности. Звуковая кривая позволяет прочесть записанное (о чем подробно см. в статье Т. Б. Ганцкой, стр. 115—117) и с помощью кривой интенсивности отграничить звуки друг от друга, а с помощью кривой времени вычислить высоту основного тона (В. А. Артемов, стр. 21—22; Т. Б. Ганцкая, стр. 115—117).

2. Изображение звуков на звуковой кривой описано и Т. Б. Ганцкой (стр. 115—116), но правильный вывод отсюда сделала только В. С. Федосеева: «Экспериментальная практика показала, что не все начальные звуки могут дать точное представление о высоте исходного тона. Наличие же глухих согласных в середине слова, и отсюда слабо выраженная в записи кривая их звучания, помогает более четкому членению графической кривой на мелодические отрезки отдельных слогов и звуков» (стр. 248).

Весьма странным и попросту необоснованным является разграничение К. Б. Карповым глухих согласных друг от друга и глухого от последующего, так называемого полугласного [th] (стр. 149, рис. 5), [çt] (стр. 150, рис. 6), [td] (стр. 151, рис. 8), [st] (стр. 164, рис. 17) и др. Никаких данных для такого разграничения нет. Полное же недомыслие вызывают слова Т. Б. Ганцкой: «В отдельных случаях разграничение звуков удавалось лишь на основании слухового сопоставления с магнитофонной записью» (стр. 116). Длительность отдельного звука в связной речи в крайне редких случаях превышает 0,2 сек. Ценность кимографической записи заключается как раз в том, что она позволяет определить длительность звука в пределах тысячных долей секунды, что не идет ни в какое сравнение с возможностями слухового восприятия. Как же может грамотный экспериментатор говорить о том, что отграничивать звуки на кимограмме в отдельных случаях ему помогал слух?

3. Что представляет собой кривая интенсивности? «Ее отклонение от прямой, находящейся под ней, указывает на изменения интенсивности во времени. Поэтому по изменению этой линии во времени мы можем судить об относительной величине интенсивности как об амплитуде, измеряя ее в линейных единицах» (В. А. Артемов, стр. 15).

При обработке электроакустической записи можно установить, помимо длительности звуков и высоты основного тона, «интенсивность звуков — на основании отклонения линии интенсивности от нейтральной линии» (А. И. Калачев, стр. 59).

Остается неясным, что дает установленная таким способом интенсивность звуков. А. И. Калачев говорит об этом следующее: «Последовательные изменения интенсивности звуков еще не определяют последовательности в изменении ударности этих звуков» (стр. 59), и далее: «Это объясняется тем, что, как известно из физики и психологии, громкость звука, будучи особенностью восприятия речи, физически своим основанием имеет не просто интенсивность (амплитуду) звуковой волны, а интенсивность, соотношенную к числу герц и длительности звука речи. Кроме того, громкость определяется явлениями контраста звуков в потоке речи. Громкость звука речи зависит также от собственной интенсивности отдельных звуков речи, в том числе и гласных. Взаимодействие всех этих физических и психологических компонентов громкости настолько сложно, что звук наиболее интенсивный в данной синтагме может быть неударным, и наоборот» (стр. 59—60; сноска).

У В. А. Артемова читаем: «Нельзя смешивать интенсивность и громкость звука. Громкость является одним из ощущаемых качеств звука, а интенсивность есть физическое свойство звука» (стр. 20), и ниже: «В процессе слуховых ощущений имеются своеобразные взаимоотношения между физической интенсивностью звука и его громкостью» (стр. 21).

Громкость может зависеть: а) от интенсивности, б) от высоты звука, в) от длительности звука, г) от соседства со звуком меньшей амплитуды, д) от природных качеств самого звука и е) от смысловой нагрузки слова, в которое входит звук. Между интенсивностью и ударением нет прямо пропорциональных отношений (В. А. Артемов, стр. 21—22; А. И. Калачев, стр. 61).

Из сказанного видно, что значение кривой интенсивности до сих пор точно не установлено.

4. Итак, электроакустическая запись позволяет объективно установить, во-первых, длительность отдельных компонентов звучащей речи, в том числе и пауза, а тем самым и темп и, во-вторых, мелодику. Ударение же, тембр и прочее можно установить только на слух.

Хотя отдельные авторы (А. И. Калачев, стр. 59; К. Б. Карпов, стр. 141) и говорят о том, что ударение — один из важнейших компонентов интонации — определяется на слух, в сборнике нет четкого разграничения, что именно изучается субъективным (т. е. на слух), а что объективным методом. Поэтому явно ощущается некоторая переоценка объективных возможностей современной аппаратуры. Так, например, В. А. Артемов утверждает, что все изложенное в его статье «обосновано экспериментально» (стр. 3), тогда как большая часть его статьи — более или менее удачные рассуждения в общетеоретическом плане. Точно так же неосуществимо при современном состоянии аппаратуры и предложение О. А. Норк решить вопрос «о характере ритмических тенденций в распределении акцентного веса как в слове, так и во фразе» экспериментальным путем (стр. 4).

5. В сборнике мало сказано и о соотношении между слуховым наблюдением и объективным анализом. Только В. С. Федосеева указывает, что объективные исследования «дают возможность сделать более полные и более объективные выводы, не только не противоречащие выводам, полученным на основании простых слуховых наблюдений, но, наоборот, подкрепляющие их и дополняющие» (стр. 247—248).

Очевидно, соотношение субъективного и объективного методов еще не уточнено. И также очевидно, что слуховой анализ играет очень большую роль при изучении интонации: это подтверждается, например, интересными выводами, к которым пришла В. С. Любопытнова, сравнивая интонацию вопросительных предложений в немецком и русском языках на основании слуховых наблюдений русских предложений. О предпочтительности определения пауз на слух говорит Т. Б. Ганцкая (стр. 116).

6. Обработка кривых и методика эксперимента одинаковы у всех исследователей, и описываются они более или менее подробно. Нанесенные на графики результаты исследования приводятся каждым автором в достаточном количестве.

Несмотря на то, что, как указывает В. А. Артемов, «категорически недонустим перевод числа колебаний (герц) в музыкальные тоны», поскольку «перевод в музыкальные тоны скрыл бы от исследователя фактические физические величины числа колебаний» (стр. 17), во многих статьях (например, Т. Б. Ганцкой, стр. 126; В. С. Любопытновой, стр. 197) мелодические интервалы обозначены музыкальными тонами. Подобное обозначение, если и не скрывает числа колебаний (оно указано всеми авторами), то безусловно бесцельно: для лингвиста знание музыкальной терминологии вовсе не обязательно.

7. Исследуемый материал в общем не вызывает возражений. Безусловно правильно и то, что для избежания различных толкований он наговаривается дикторами в контексте. Однако довольно часто встречающиеся расхождения в интонационном оформлении фразы заставляют исследователя предполагать, что дикторы дали при произнесении различные эмоционально-волевые оттенки. Так, например, различные интонационные варианты вопроса *Wann kommt er?* (стр. 195—196) В. С. Любопытнова объясняет тем, что один диктор произнес его с оттенком заинтересованности, другой — с оттенком испуга. Повидимому, контекст можно было толковать различно. Такие же примеры находим и в других работах. Между тем установление интонационного оформления каждого из подобных «эмоционально-волевых оттенков» очень важно при изучении интонации.

Нам представляется наиболее обоснованным выбор материала А. И. Калачевым, так как политические доклады и выступления на определенную тему огранчивают число возможных вариантов толкования текста и, следовательно, исключают необходимость догадываться о намерении диктора. При другом принципе подбора материала нам представляется совершенно необходимым, чтобы трактовка текста была заранее точно установлена и проработана с дикторами. Это даст возможность исследователю определить характерный для данной трактовки вариант интонации.

Заслуживает внимания подход В. С. Федосеевой к подбору материала. Она учитывает физическую сторону звучания: количество слогов, распределение ударения, удобные для разграничения звуков сочетания. Это чрезвычайно ценно, поскольку выводы строятся на чтении кривых, а различие между кривыми зависит также от таких причин, как «физические особенности произнесения различного фонемного состава» (В. С. Федосеева, стр. 251).

Нам хотелось бы предложить еще раз тщательно проверить и обсудить принципы подбора материала для дальнейших исследований.

8. Все авторы упоминают о том, что для каждого из дикторов исследуемый язык являлся родным. Нам хотелось бы добавить, что необходимо различать еще и людей, в совершенстве владеющих языком, от людей, в совершенстве владеющих текстом и кой речью. Так, например, немцу-актеру членение *Er wacht/vor Schmerz/auf* (К. Б. Карпов, стр. 173) покажется совершенно невозможным.

9. Роль и значение аудитора указаны В. А. Артемовым (стр. 23, пп. 1—7). Поскольку, однако, восприятие интонации является «ее субъективным образом» (стр. 23), то индивидуальное «предварительное обдумывание» (стр. 193) текста одним диктором кажется нам недостаточным: необходима совместная подготовка материала всеми дикторами и одним-двумя аудиторами, контролирующими соответствие произнесения задаче общения, которая точно и четко поставлена перед дикторами и аудиторами-контролерами либо самим исследователем, либо специальным «режиссером».

Слова акад. В. В. Виноградова о том, что членение синтагмы всецело зависит от содержания, применимы ко всей интонации в целом. Следовательно, «вкладываемое содержание, намерение говорящего» должно быть отправным пунктом исследования. Это дает возможность установить столь необходимые при обучении интонации иностранного языка интонационные типы, ту «минимальную опорную интонацию», из которой исходит в своем анализе В. С. Федосеева (стр. 253—254).

Лабораторией экспериментальной фонетики и психологии речи проделана, как видно из сказанного, большая работа по проведению экспериментального анализа интонации. Тем не менее, не все вопросы методики эксперимента продуманы до конца. Поэтому следовало бы издать методический сборник по экспериментальному изучению интонации.

В таком сборнике могли бы найти место следующие вопросы: 1) аппаратура (подробное описание); 2) изображение звучащей речи на кривых; 3) звукосочетания, удобные для анализа: а) для отграничения звуков, б) для вычисления высоты основного тона, в) для установления пауз и т. п.; 4) линия интенсивности; 5) методика составления графиков и таблиц; 6) методика проведения эксперимента; 7) подготовка диктора и аудитора; значение и роль аудитора в эксперименте; 8) соотношение объективных и субъективных выводов в эксперименте.

Почетную задачу подготовки и выпуска такого сборника должна взять на себя лаборатория экспериментальной фонетики и психологии речи во главе с ее руководителем проф. В. А. Артемовым.

III

Результаты экспериментального изучения интонации

Результаты исследований, приводимые в статьях сборника, как уже упоминалось выше, чрезвычайно интересны и в теоретическом, и в практическом отношении.

1. Во всех работах подчеркивается тесная связь между интонационным оформлением предложения, его синтаксическим строем и содержанием.

2. Перечислены и точно определены интонационные средства, и совершенно справедливо указано, что специфическую интонационную окраску речи придает не различие самих интонационных средств в каждом отдельном языке, а характерное для каждого языка различие в их применении (Т. Б. Ганцкая, стр. 102).

3. Выводы некоторых работ (А. И. Калачева, Т. Б. Ганцкой и К. Б. Карпова) дают возможность установить целый ряд сходств и расхождений в интонационном оформлении повествовательного предложения в английском, французском и немецком языках.

4. Всесторонне освещен в сборнике вопрос о синтагматическом членении предложения. Результаты исследований сходятся на том, что «членение предложения на синтагмы вытекает непосредственно из трактовки содержания предложения в данном контексте» (К. Б. Карпов, стр. 134). Граница между синтагмами в огромном большинстве случаев совпадает с границами между членами предложения, но внутри синтагмы может быть и несколько членов предложения (Т. Б. Ганцкая, стр. 106). Нарушением этой закономерности является, например, сложное сказуемое в немецком языке, разъединяемое в силу нормы рамочной конструкции (К. Б. Карпов, стр. 170). Границы синтагмы не постоянны, а подвижны внутри предложения (А. И. Калачев, стр. 99).

5. Подробно исследованы и описаны интонационные средства членения речи (А. И. Калачев, стр. 98—99).

6. Установлен характер интонационного оформления ритмической группы во французском языке и ее сходство с «фонетическим словом» русского языка (Т. Б. Ганцкал, стр. 108—109).

7. Изложены интересные наблюдения отдельных авторов над темповыми изменениями конечных и начальных слогов синтагм (см. статьи А. И. Калачева, Т. Б. Ганцкал, К. Б. Карлова, В. С. Любопытновой).

8. Указывается на тесную связь между ударением и мелодией в интонационном оформлении предложения (В. С. Федосеева, стр. 245—247).

9. Даются интересные результаты сравнения русской и немецкой интонации; так, например, в статье О. А. Норк (стр. 51) указывается, что «одна и та же интонационный вариант используется в русском и немецком языках для передачи разных коммуникативных оттенков в смысловом значении фразы» (см. также статью В. С. Любопытновой).

10. Исследования полностью подтверждают так называемый «принцип замены» А. М. Пешковского. Интонация «выступает особенно ярко там, где лексические и грамматические средства оказываются не в состоянии выразить те или иные отношения» (В. С. Любопытнова, стр. 230).

В сборнике имеется большое количество опечаток. Несмотря на наличие названных недостатков, сборник в целом — нужная и ценная книга. Авторы сборника не только поставили, но и осветили ряд проблем интонации и дали конкретные выводы по интонационному оформлению повествовательных и вопросительных предложений в отдельных языках.

Появление сборника позволяет наметить путь дальнейшего экспериментального исследования интонации.

Е. И. Мурашева, Р. М. Урсова

*

№ 5—1954, 128 стр.

Выпуск открывается статьей Л. С. Бархударова «Связочные глаголы в английском языке» (стр. 3—24). Автор исходит из положения акад. В. В. Виноградова о том, что лексические значения служебных слов тождественны с грамматическими¹. С этой позиции Л. С. Бархударову удается хорошо охарактеризовать сущность английских связочных глаголов и уточнить их классификацию.

Автор подвергает обоснованной чистке список связочных глаголов, оставляя из 60 глаголов, приводимых Кермом (Сигме) в 3-й части его «Грамматики английского языка», всего 28. В связи с наличием или отсутствием более конкретного вещественного значения Л. С. Бархударов выделяет полусвязочные глаголы, которые в противоположность связочным в узком смысле могут выступать и в самостоятельном употреблении, например модальный глагол *to appear* «являться». В зависимости от грамматического значения автор разделяет в се связочные глаголы на две группы: видовые и модальные. Видовые в свою очередь делятся на три подгруппы: 1) глаголы бытия, например *to be* «быть»; 2) глаголы становления, например *to become* «стать, сделаться» и 3) глаголы «оставания», например *to remain* «оставаться». В дальнейшем автор анализирует синонимичку каждой подгруппы и указывает круг употребления отдельных связочных глаголов.

Хотя в статье постоянно идет речь о семантике, но ни один пример не переводится на русский язык. Это несколько снижает учебную ценность статьи, ограничивая круг ее читателей англичанами, в то время как по содержанию она интересна и для студентов-филологов других специальностей.

В своей работе «О значении и употреблении модальных глаголов в немецком языке» (стр. 25—41) Т. В. Борисова на тщательно подобранных примерах убедительно показывает двойное грамматическое значение модальных глаголов. Эти глаголы могут указывать на отношение к действию как субъекта действия, так и субъекта в с к а з ы в а н и я, т. е. говорящего. Вторая функция совпадает с функцией наклонений и часто дублируется формами наклонений. Статья представляется тем более полезной и интересной, что этот двойной аспект изучения немецких модальных глаголов в литературе почти не освещался.

Автору представляется спорным модальность глагола *kann* «могу; умею» в предложениях типа *Er kann gut schwimmen* «Он умеет хорошо плавать». Конечно, здесь уже не только модальное значение возможности, а еще и более вещественное значение навыков. Но ведь такое значение создается исключительно контекстом и особенно значением глагола, употребляемого вслед за *kann* в инфинитиве. Навыки нужны, чтобы

¹ См. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 30.

м о ч ь плавать, шить, стирать, но их не нужно, чтобы лечь, сесть, встать. При одних глаголах *können* и значит «уметь», а при других только «мочь».

Французское предложение *Je l'ai vu cet homme* «Я видел этого мужчину» (буквально: «Я его видел, этого мужчину») состоит из двух частей: глагольной *Je l'ai vu* «Я его видел» и именной *cet homme* «этого мужчину». Только указанное построение позволяет сделать логическое ударение на глаголе, так как во французском языке оно возможно лишь в конце синтагмы или предложения. Вместе с тем обособляется дополнение *cet homme* с заменой его в глагольной части проклитическим объектным местоимением *le (l')*. Этот тип предложения и рассматривает В. Г. Гак в статье «Расчлененные предложения во французском языке» (стр. 42—53).

Автор последовательно анализирует синтаксическую и интонационную структуру этих предложений и останавливается, к сожалению слишком кратко, на сложном вопросе о том, какой же именно член предложения семантически подчеркивается в той или другой расчлененной конструкции. После краткой сводки взаимосвязи рассмотренных сторон с точки зрения строя французского языка автор указывает на отличие расчлененных предложений от предложений с плеонастическим употреблением личных местоимений типа: *Pierre il est parti* (буквально) «Пьер он ушел», в которых нет ни расчленения, ни выделения. Статья заканчивается оценкой расчлененных предложений во французском языке как явления разговорного стиля, имеющего будущее, поскольку оно развивается в соответствии со всеми характерными особенностями французского языка.

Автор на стр. 43 заявляет, что расчлененные предложения специфичны только для французского языка и выступают в других лишь эпизодически. Далее же оказывается (стр. 54), что это явление *mutatis mutandis* распространено и в других романских языках. Повидимому, однако, указанное явление имеет значение во всех языках, где есть безударные местоимения, твердый порядок слов и интонационный строй, препятствующий выделению отдельных членов предложения без его перестройки. Так, например, расчлененные предложения очень распространены в арабском литературном языке, и особенно в классическом, где словное ударение играло гораздо меньшую роль, чем количественное.

Сущность исследования П. И. Кузнецова «Личные аффиксы в турецком языке» (стр. 57—72), построенного на материалах его же диссертации «Условный период турецкого языка», очень несложна. Личные аффиксы турецкого языка, которые оформляют спряжение глаголов и имен, делятся на две группы, каждая из которых употребляется со своей группой времен. Общеизвестно, что первая группа *-in, -sin, -dir* и т. д. происходит из личных местоимений. Вторую группу: *-m, -n, -k* и т. д. многие туркологи возводят к аффиксам принадлежности, как называют в турецких языках гонимые лично-местоименные суффиксы, обозначающие принадлежность оформляемого этим суффиксами имени первому, второму или третьему лицу и переводимые на русский язык притяжательными местоимениями. П. И. Кузнецов, основываясь на показаниях памятников древнетурецкой письменности и турецкой диалектологии, убедительно доказывает, что личные аффиксы второй группы восходят к аффиксам первой группы. Очень правдоподобна реконструируемая автором фонетическая трансформация. К сожалению, автор ничего не сказал о самом трудном: откуда пошел аффикс первого лица второй группы *-k*. Мы считаем, что автор доказал в своей статье и отсутствие в личных аффиксах первой группы грамматического значения времени, что значительно упрощает объяснение отдельных моментов сложной системы времен турецкого глагола. Таким образом, статья представляет ценность в теоретическом и в педагогическом отношениях.

Мы должны подробнее остановиться на статье Е. Б. Ройзенблит «К вопросу об аналитической форме слова во французском языке» (стр. 73—88), так как считаем серьезной ошибкой редакции, в состав которой входит и автор статьи, то, что она допустила опубликование работы в ее настоящем виде.

Прежде всего автор не ясно представляет себе границы своей темы и по-разному формулирует ее в разных местах статьи. Мы уже дали формулировку темы в заглавии, где она очерчена довольно широко. Но, видимо, этих широких границ автору недостаточно. На стр. 87 указано, что в этой статье автор останавливается на обосновании выделения каждой аналитико-морфологической формы в морфологической системе романских языков. Думаем, что только так можно понять следующий абзац в указанном месте статьи: «В связи с задачей статьи мы остановились не на описании употребления каждой аналитико-морфологической формы, а на обосновании выделения этой формы из числа других грамматических форм, как на специфической черте морфологической системы романских языков» (разрядка моя.— В. С.).

Бери на себя такую задачу, автор явно переоценивает свои силы. Впрочем на стр. 75 автор заявляет, что в данной статье он делает лишь «попытку высказать некоторые соображения об аналитической форме слова во французском языке». Это уже скромно до неясности. На самом же деле, автор рассматривает сочетание артикль плюс существительное как одну из аналитических форм французской морфологии. И пра-

вильно статью было бы назвать «Конструкция артикль плюс существительное во французском языке».

Прежде всего автор старается доказать, что артикль не есть аффикс, а «аффикс», по ошибочной терминологии автора, означает словоизменительный префикс, как видно из всего изложения и особенно из того, что для автора являются синонимами «аффикс» и «препозитивная флексия» (стр. 75). О том, что префиксы могут быть и словообразовательными, автор забывает. Но он забывает и то, что недостаточно еще не быть префиксом, чтобы стать элементом аналитико-морфологической формы. Для этого еще нужно нести морфологическую функцию. Но про морфологическую функцию артикля автор говорит лишь мимоходом в конце стр. 77. Он не считает нужным доказывать ни того, что артикль действительно выражает род и число существительного, ни того, что определенность существительного является морфологической категорией. Странным образом автор обходит и вопрос об отношении определенного артикля к безударным объектным местоимениям третьего лица.

Таким образом, автор вовсе не доказал того, что конструкция артикль плюс существительное является во французском языке аналитико-морфологической формой.

Однако главным недостатком статьи являются многочисленные терминологические, стилистические и пунктуационные ляпы, доказывающие, что она не прошла необходимой редакционной правки. Мы уже говорили об ошибочном употреблении автором термина «аффикс». На стр. 84 трижды употреблен термин «адъективация» вместо «адвербиализация». Автор обнаруживает пристрастие к новым терминам. Так, он зачем-то употребляет безграмотное слово «коррелирует» вместо всем понятного «соотносится». Вместо слов «исключить», «выделить» он употребляет только «вычленил». Для обозначения слияния предлогов с артиклем (*du, des, au, aux*, того, что французы называют *article contracté*, Е. Б. Ройзенблит создает термин «энклитические формы артикля» (стр. 76—77) и «энклиза» (стр. 79). Это означает незнание автором того, что термин «энклитический» уже давно существует, но употребляется совсем в другом смысле.

О нерышливости стиля и подачи примеров может дать представление следующее примечание (второе) на стр. 84: «См. [вместо „ср.(авни)“.— В. С.] употребление наречий для выражения признака (надо „признака существительного“. Никакого знака препинания нет.— В. С.) *J'avais si peur*, (запятая.— В. С.) *Elle m'a même rendu très service...*» Приводимые здесь примеры, особенно второй, звучат так непривычно, что нужно было указать, откуда они взяты и при каких обстоятельствах были употреблены.

Если статью Е. Б. Ройзенблит не следовало помещать в сборник без серьезной переработки из-за большого количества ошибок, то статью Г. Ш. Шарбатова «Об относительной подвижности ударения в современном арабском литературном языке» (стр. 89—95) не следовало помещать еще и вследствие ее ничтожной научной ценности, хотя последняя и прикрывается наукообразными справками из истории науки, не имеющими отношения к вопросу.

Само заглавие статьи мало соответствует содержанию. В самом деле, раз нет абсолютной подвижности ударения, то неслело говорить и об относительной его подвижности. Напрасно Г. Ш. Шарбатов упрекает арабистов в том, что из их поля зрения «до сих пор выпадали характерные для арабского языка случаи переноса и относительной подвижности ударения» (стр. 89). Все эти случаи предусматриваются общими правилами об ударении в арабском языке, которые, кстати, совпадают с правилами латинского ударения. В двусложных словах ударение падает на первый слог, в многосложных — на второй от конца, если он закрытый или содержит долгий гласный, а в противном случае — на третий от конца. Разумеется, что всякое прибавление нового слога к концу слова при склонении или спряжении изменяет слоговую структуру слова, и ударение переносится. Но, может быть, общие правила не касаются «сочетаний слов со слитными местоимениями»? И это не так, потому что слитные местоимения рассматриваются в арабских грамматиках как часть слова, вследствие чего слова со слитными местоимениями и не требуют особых правил. Г. Ш. Шарбатов переименовал слитные местоимения в энклитики и решил, что раз про энклитики в правилах не упоминается, значит их и не учитывают в грамматических работах.

Упрекая арабистов в отсутствии разработанной акцентологии арабского литературного языка, автор почему-то забывает о тех переменах, которые внесло в устную форму арабской литературной речи радиовещание. Во-первых, на литературном языке в арабских странах разговаривают между собой только интеллигенты и притом на отвлеченные темы, тогда как бытовой разговор ведется на местных диалектах. Кроме того, на литературном языке произносятся всякого рода официальные выступления. Однако в связи с распространением радиовещания литературную речь самых различных жанров слышат и арабские массы. Во-вторых, в более высоких литературных жанрах, как и в классическом языке, количественное ударение преобладает над силовым, и, напротив, при передаче коротких сообщений с их более короткими и чеканными предложениями преобладает силовое ударение. Это обязывает исследователя самым внимательным образом учитывать жанровые особенности произношения. Известно

также, что слоговое ударение само по себе в арабском языке не может изменить значения слов. Но при отступлении количественного ударения не исключена возможность приобретения смысловозначительной роли и слоговым ударением. Обо всем этом говорить гораздо проще теперь, чем тридцать лет тому назад, когда и круг наблюдений мог быть гораздо уже, да и самые явления не созрели в своей типичности. Автор объясняет недостатки работ по ударению в арабском литературном языке идеализмом западноевропейских ученых, которые, мол, не учитывают коммуникативной роли речи. К стати, последняя по времени появления восточная работа по фонетике арабского языка, приводимая Г. Ш. Шарбатовым, датирована 1925 г.¹ Стих пор прошло почти 30 лет, и прямым долгом автора статьи было узнать, что сделано за это время заграничей по интересующему нас вопросу.

Покойный Н. С. Каменский заметил, что слова со слитными местоимениями имеют в современном арабском литературном языке особенности, не укладывающиеся в общие правила, и некоторые из таких особенностей указал в своих трудах. Г. Ш. Шарбатов, противореча себе, вынужден признать работы Н. С. Каменского удовлетворительными, но считает, что никто не остановился подробно на вопросе о подвижности ударения (стр. 91). Однако не остановился на нем и Г. Ш. Шарбатов. Он ограничился лишь рассмотрением случаев присоединения к словам односложного слитного местоимения третьего лица мужского рода единственного числа. К сожалению, и те немногие наблюдения, которые сделал Г. Ш. Шарбатов, лишены научной ценности, так как он не сумел или не счит нужным удовлетворительно охарактеризовать тот материал, которым он пользовался для своих примеров. Приводя примеры, он не говорит ни о литературном жанре текста, ни об особенностях произношения диктора, в частности о соблюдении им долгот. В одном лишь случае автор упомянул, что перенос ударения прослеживался во всех наблюдениях.

В статье много опечаток, в двух случаях для хамзы применен тот же знак, что и для айа.

Автор статьи «К вопросу о стилях японского литературного языка» (стр. 96—111) П. И. Шемаев поставил своей задачей охарактеризовать систему стилей японского литературного языка второй половины XIX в., когда оформлялся новый литературный язык. Он исходит из классификации японского критика Икута Нагаэ, который на основе взаимоотношения в каждом стиле элементов китайской лексики и своеобразно преломленной китайской грамматики, с одной стороны, и элементов японского разговорного и книжного языка, с другой, устанавливает шесть стилей. В конце статьи автор кратко характеризует процесс трансформации стиля «единства разговорного и письменного языка» (гэмбун ититаи) в новый литературный язык. Нельзя признать удачным применяемый автором, и притом без объяснения, термин «многоплавность»: «многоплавность литературного языка» (стр. 109).

Научно-техническое оформление сборника нестро. Больше или меньше количество опечаток зависит, повидимому, от автора; их больше всего в статьях Е. Б. Ройзенбит и Г. Ш. Шарбатова. Примеры из западноевропейских, турецкого и японского языков даны в оригинальном написании, а арабские в транскрипции. Следовало бы транскрибировать и японские примеры. Переводы примеров дают только пишущие о восточных языках; мы считаем, что их надо давать всюду.

Сборник заключается разделом «Защита диссертаций». Дается толково аннотированный перечень 26 диссертаций, защищавшихся в ВИИЯ в 1953 г. Из двадцати шести диссертаций четыре посвящены методическим вопросам (одна из них — общей методике иностранных языков), а остальные двадцать две — лингвистическим темам. Внушает опасение совершенное отсутствие тем по морфологии и фонетике: пятнадцать лингвистических диссертаций посвящены вопросам синтаксиса, а остальные семь — лексике, фразеологии и словообразованию. Распределение по языкам такое: 8 — английский, 4 — немецкий, 2 — венгерский. На следующие одиннадцать языков приходится по одной диссертации: арабский, древневерхненемецкий, итальянский, корейский, персидский, турецкий, урду, французский, финский, шведский и японский. Числу диссертаций по восточным языкам должен позавидовать Институт востоковедения АН СССР: их шесть за один год. Ценность раздела «Защита диссертаций» не подлежит сомнению.

В. П. Старини

¹ W. H. T. Gairdner, The phonetics of Arabic..., London, 1925. (Г. Ш. Шарбатов года и места издания не назвал.)